

ПОСТИМПЕРСКИЙ СИНДРОМ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПОИСКАХ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю.С. ОГАНИСЬЯН

Кризис идентичности

Даже начальные подходы к названной проблеме, определение методологии этого исследования чрезвычайно затруднительны. На теоретическом поле, образуемом постсоветской действительностью, царит хаос. Старое мало чем отличается от нового. Кризис идентичности стал всеобщим. Вещи выступают под чужими именами. Имитации берут на себя роль оригиналов. Симулякр становится всеобщей формой социополитических явлений. Призрачно зыбкие, непрерывно меняющиеся – спонтанно или под действием реформ – реальности постсоветского пространства труднодоступны для корректно обоснованных концептуальных подходов, равно как и для эффективных поисков убедительных моделей. Россия вновь переживает смутное время, кульминация которого, по мнению некоторых историков, еще впереди¹. Академик Д.С. Львов писал: «В последние годы мы теряем себя, осмысленный образ своего прошлого, настоящего и будущего, и уже давно пришла пора говорить о реалистических целях, способных объединить Россию, вдохнуть в ее народ ту энергию, которая необходима для выхода из смутного времени. При этом неизбежен разговор о перспективах, может быть и не самых близких»².

Из «не-социализма» в «не-капитализм»

Что делать? Прежде всего, необходимо преодолеть разорванность исторического сознания, вызванного доморощенной идеологией антикоммунизма, адепты которой с мазохистским упоением клянут и очерняют советское прошлое, их породившее, и перед которым они еще позавчера с таким же сладострастием пресмыкались. Как определяется ими проблема идентичности постсоветского общества? Идеологически весьма продуктивно – «Совок». Это может быть и постсоветский человек – существо тупое, беспамятное, раболопное – и само общество, которое и не общество в «цивилизованном» понимании, а нечто внесоциальное, и государство – уродливый гибрид политического маразма перестройки и мнимо-либеральных реформ. «Совковая идентичность» не умерла – это устойчивый комплекс неполноценности, что было констатировано многими российскими и зарубежными аналитиками еще в 1990-х гг. К примеру, на конференции «Фонда Карнеги за международный мир» в Вашингтоне в 1999 г.

отмечалось: «Россия лишилась ощущения своей идентичности и цели существования. Она более не является носителем великой идеи или воплотителем великого проекта (каким было строительство социализма). Мало того, страна оказалась в унижительной зависимости от Запада: в ближайшем будущем ей понадобятся его кредиты, чтобы обслуживать государственный долг, а в более длительной перспективе – технология и капиталы, чтобы модернизировать экономику»³. То же самое утверждает, спустя несколько лет, «Вашингтон Пост»: «Лишенные национальной гордости и своих жизненных убеждений, россияне расценили закат советской эпохи как конец империи и конец национального самосознания»⁴.

Как было еще совсем недавно все просто, ясно, убедительно. Кто мы? – Строители коммунизма. Откуда мы? – Из рабочих и крестьян, а также из прослойки. Куда мы идем? – К светлому будущему. При каком строе живем? – Вышли из «социализма», входим в «капитализм». Нам нужна понятийная определенность. Нам надо знать, как называется социальное устройство, в коем мы обретаемся. Нам требуются социальные ориентиры. Когда общество их утрачивает, в его духовной жизни обнаруживаются симптомы, напоминающие рассеянный склероз.

Еще один вопрос: а был ли у нас построен социализм? Есть несколько идеологически мотивированных версий ответа. Одна: не был. Другая: был, но не тот, каким бы ему пристало быть. Третья, характерная для отечественного антикоммунизма: не важно, был ли, не был, главное в том, что в результате революции Россия утратила свой многовековой распорядок бытия, «выпала из истории».

Не станем умножать смыслы. Тот социализм, который на его закате называли «реальным» (преследуя, понятно, апологетические цели, чем можно пренебречь в данном контексте), и был реальным. Во всяком случае, другого, принципиально отличного от капитализма строя, реализованного на практике в столь широких масштабах и столь глубоко изменившего не только российское общество, но и весь миропорядок, история не знает. Из этого, думается, и следует исходить, пытаясь осмыслить в поисках российской идентичности нынешние социополитические метаморфозы в России. Иначе последние в общественном сознании обращаются в зазеркальные действия, передающие некие симулякры модерности из ниоткуда в никуда, из «не-социализма» в «не-капитализм».

Социализм стал реальностью. Разумеется, не как выношенный благодетелями человечества идеал, а как новая действительность, даже более чуждая этому идеалу, чем прежним порядкам. Но революции XX в. идеологически пластичны. Идеал без особых трудностей осваивается изменившейся реальностью. Он обслуживает идейных ренегатов, новую политическую элиту. Он сакрализует постро-

люционную власть, оформляет для нее идеократические институты контроля над населением. Конституируются партия-государство, советы, номенклатура, ГУЛАГ и прочие образующие элементы реального социализма.

Возник ли на их месте новый строй, который можно было бы охарактеризовать не только симулякрами? Те реалии, которые называют «номенклатурным», «криминальным», «диким», «ублюдочным», «ущербным» и т.п. «капитализмами», — всего лишь отдельные черты социальной данности, каждая из которых и все в совокупности никак не могут характеризовать ее в целом. Стала ли социально легитимной реальностью в России частная собственность? Бессмысленно об этом рассуждать, если в любой момент сановный бюрократ или прокурор может отменить результаты приватизации. Сложилась ли национальная буржуазия и другие классы «нормального» капиталистического общества? Да, конечно. Но в виде, так сказать, прозрачном. Возникают олигархи, потом они как класс растворяются в Лондоне, офшорах и бюрократических структурах власти, хотя все они известны по именам. Средний буржуазный класс, составляющий основу западного общества, в России, едва возникнув, наталкивается на непреодолимые бюрократические заслоны и в лице лучших своих представителей утекает в страны цивилизованного капитализма.

Вписалось ли новое образование в мировую систему капитализма? Да, но на ролях сырьевого, геополитического и, пожалуй, социального резерва, годного для потребления. Для российского капитализма иные роли оказались недоступными. Описанные выше сетевые структуры глобализации проницаемы для него лишь в местах, отведенных для прислуги.

Чтобы не увязнуть в социологических метафорах, попытаемся девиртуализировать миф о постсоветском капитализме. Что бы ни говорили иные теоретики, мы живем — и еще долго будем жить — в произведенном социализмом обществе. Это разлагающийся социум с элементами зависимого капитализма, преимущественно криминального происхождения, — социальное состояние, способное при соответствующих внутренних и внешних воздействиях продолжаться неопределенно долго и сегментарно деградировать, что демонстрируют некоторые постсоветские регионы, все в более примитивные общественные структуры. В этом состоянии россияне пытаются найти свою идентичность, уразуметь, ошутить, кто они теперь.

Поиск новой имперской идентичности

Речь, в сущности, идет о сохранении, сбережении России как общества, государства, народа. Для этого необходимо преодолеть, прежде всего, разорванность исторического сознания, вызванного в российском обществе доморощенной идеологией антикоммунизма,

адепты которой с упоением клянут и очерняют советское прошлое. Как решается ими проблема идентификации советского общества? Ключ к данному вопросу содержит жаргонный концепт антисоветизма – «совок»: через «синдром совково-имперской идентичности», возникший на помойке либерального дурномыслия. Он снимает задачу поиска смыслов. Одним лексическим плевком обозначается все советское – и человек, и общество, и государство, и образ жизни, унижительный для человека. Словом, нечто маразматическое, обреченное на жалкую участь. Таковы ли мы?

Этот идеологический вирус, размноженный СМИ, потоком публицистических и околонаучных публикаций, исковеркал общественное сознание. У российских граждан возник устойчивый комплекс неполноценности.

В советском прошлом наш человек понимался как выражение универсальной сущности социального бытия народов, в чем усматривался исток его всемирного влияния. «Советский человек – властитель дум современного человечества», – писал о нем Г.Л. Смирнов, наделяя его образ такими свойствами, как социалистическая направленность мысли и действия, коллективизм, братство, интернационализм, высочайшая нравственность. Соответственно советский народ представлялся в качестве знаменосца, ведущего человечество к всеобщему счастью, а советское государство – в качестве орудия осуществления этой всемирно-исторической миссии⁵. Очевидно, что эти идентификации без труда, самым естественным образом коррелируются с мессианистскими определениями имперских времен: русские – народ-богоносец, российское государство – третий Рим. Тем легче большевикам было переориентировать сознание и психологию общества в постмонархической России на свои идеологические догмы и символы, превратить их в органические компоненты советской идентичности. И тем трудней для постсоветского режима оказалось привить обществу либеральную идеологию, совершенно чуждую историческим традициям России.

Государственная идеология нежизнеспособна, если она не основывается на базовых ценностях, отторгается обществом, если хотя бы не отражает их. Но сохраняются ли – и в какой мере – советские ценности в сознании, психологии постсоветского человека? Приведем некоторые результаты репрезентативных опросов населения Российской Федерации. Весьма показательны, например, данные об идеологических предпочтениях россиян, полученные в ходе крупномасштабного всероссийского исследования «Русская самоотчетливость и новые ценности»⁶. 73,3% опрошенных не согласны с утверждением, будто «во всей 70-летней истории СССР найдется мало того, чем можно гордиться», для 64,8% было характерно ощущение причастности к большой общности, идентичности с великим на-

родом. Весьма показательны и проводившиеся ВЦИОМ в 1989, 1994, 1999 и 2003 гг. по общероссийской выборке опросы по программе «Советский человек». Социолог Ю.А. Левада, обобщая данные этих опросов, констатировал, что изменения последних лет «на массовом уровне не привели к принципиальным переменам в представлениях людей о ценностном нормативном строе социальной жизни». Исследователи рассматривают «сформированный прошлой эпохой феномен в меняющихся общественных условиях как лабильный, адаптирующийся и благодаря этому в высшей степени устойчивый. Поэтому мы можем сейчас говорить о судьбе характеристик “человека советского” в постсоветских условиях»⁷.

Эти и другие исследования показывают, что большинство российских граждан живет не в соответствии с навязываемыми новым социальным порядком, электронными и прочими СМИ нормами, а в том ментальном, нравственном пространстве, которое они продолжают воспроизводить согласно нормативно-ценностным представлениям, сложившимся в обществе до постсоветских перемен. Наблюдается процесс восстановления единства исторического сознания общества. Академик М.К. Горшков пишет: «В целом распределение мнений по ключевым событиям и периодам истории XX века позволяет утверждать, что историческое самосознание россиян не обнаруживает той тенденции к фрагментации, которая была характерна для ситуации идейно-политического раскола в российском обществе в начале 1990-х гг.»⁸

Пришло ли время отрезвления? Настала ли пора восстанавливать связь времен? Как сказать. Независимой, идеологически неангажированной мысли все еще малодоступны сферы реального влияния на массовое сознание. Прошлое востребовано. Кем? Новыми идеологами. Для чего? Для того чтобы добиться определенных политических целей. Деятели самых разных политических пристрастий навязывают России, к примеру, имперскую идентификацию: национал-патриот А. Проханов («пятая империя»), либерал-реформатор А. Чубайс («либеральная империя»), неодемократ М. Касьянов («империя свободы»). «Примеров апелляции к постимперской ностальгии в современной России не счесть», — замечает Е.Т. Гайдар, концепция империи — «продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются». Толку от этого, по мнению идеолога российского неолиберализма, все равно никакого: «Сказать: “восстановление империи — благо для народа” — не трудно. Этот лозунг обречен на популярность. Но реальность в том, что возродить империю невозможно»⁹.

С этим выводом трудно не согласиться. Постимперский синдром интересен другим, идеология снова актуальна. По мнению одного из идеологов сегодняшнего режима Владислава Суркова, «если мы не

создадим свою публичную идеологию, приемлемую для большинства граждан, то с нами не будут считаться. Зачем говорить с немymi»¹⁰.

Либерал-имперская идентичность?

Профессор В.И. Михайленко пишет: «Сойдя с либеральных рельсов, Россия утратила стратегическую инициативу. Комплекс идей, предлагаемых современной правящей элитой и для современной правящей элиты, черпает свои ресурсы в феодально-имперском советском прошлом. Одно дело использовать историческую мифологию для развития исторического самосознания народа и обоснования исторической общности. И совсем иное дело опираться на архаичные идеи, итогом реализации которых станет “откат” к социализму, политическому, экономическому и духовному порядку прошлого»¹¹.

А. Чубайс предлагает оснастить Россию идеологией неолиберализма, основанной на триединстве прошлого, настоящего и будущего страны, увязанном по принципу «преемственного отрицания». В его либерал-имперской идентичности связь времен сохраняется, но только через те традиции, которые отвечают потребностям развития свободного рынка. Советский период не отрицается, так как представляет империю «беспрецедентного масштаба, над которой действительно никогда не заходило солнце»¹². Но это, по Чубайсу, тупиковый период, который не вписывается в настоящее и тем более в будущее России. СССР был основан на ложных ценностях и потому остался мертвым звеном в цепи исторических событий. Знаменосцем «либеральной империи» призван стать частный бизнес — единственная сила, способная адаптироваться к условиям глобализации и вернуть России былые мощь и величие¹³.

Прогноз крайне сомнительный. Российская экономика, разрушенная «либеральными» реформами, производит менее 2% мирового ВВП, а влияние российского бизнеса надежно блокируется международными корпорациями. Едва ли это положение изменится в обозримом будущем. Хотя бы поэтому пропагандировать идею «либеральной империи» попросту нелепо, не говоря уже о том, что такая империя — Соединенные Штаты Америки — уже давно оседлала процесс глобализации и насаждает «либеральные ценности» повсюду в мире, включая Россию. Реализация либерально-имперского проекта превратила бы нашу страну в одну из неокOLONиальных окраин этой империи.

Русская национал-имперская идентичность?

Если либерал, как «гражданин глобального мира», вообще не склонен придавать особое значение национально-этнической идентификации России, то для националиста этот фактор имеет решающее значение. Однако для него, как и для либерала, ненавистен советский

строй, разлагавший своим интернационализмом русский этнос. Неприемлем и нынешний «россианский» режим, который неизбежно рухнет, когда «его антирусская сущность станет окончательно всем ясна, а ценности национализма приживутся в массах, перейдут из разряда инстинкта и эмоций в разряд само собой разумеющихся идеологем»¹⁴. Какие еще перспективы видятся А.Н. Севастьянову, автору этого тезиса? «Преумножение» удельного веса русских в составе населения страны при решении «не менее важной задачи — сохранении высокой степени биологической однородности русской нации»; создание русского национального государства; преодоление «любого глобалистского соблазна, неважно от кого он исходит, от внешнего или внутреннего врага»¹⁵.

Какое будущее реально сулит России этот проект? Самое мрачное: взрыв национализма малых наций, регионального сепаратизма и, в конечном счете, развал Российской Федерации. «Россия для русских» в лучшем случае окажется аморфным государственным образованием в границах Московского княжества, не исключено, что под управлением «инородцев». Нас утешает утопизм проекта: его реализация немислима в стране, где веками совместно проживали на одной территории сотни этносов с дисперсно рассеянной государствообразующей русской нацией, чуждой этническому национализму.

Тем не менее, влияние национализма на общественное сознание и политическую ситуацию в стране очевидно. Вполне обоснованно В.В. Путин охарактеризовал национализм как главную угрозу целостности российского государства¹⁶.

Россия обречена быть великой державой

Как трактует затронутые вопросы научная мысль России? Сошлемся на авторитетное мнение социолога Л.М. Дробижевой. Отмечая, что «позитивные объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать», она пишет: «Когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлении о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности... Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому,

чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям»¹⁷. На наш взгляд, автор демонстрирует объективный подход к проблеме – к сожалению, не общепринятый среди отечественных обществоведов.

Не вдаваясь в существо такого рода дискурсов, останемся в русле тех рассуждений, которые апеллируют все же не к идеологическим императивам или абстракциям морализирующей социологии, а к реальной действительности, к конкретному историческому опыту. Из такого подхода и соответствующих ему критериев, общепринятых в исторической науке, неизбежно следует аксиома: Россия обречена быть великой державой. Иного ей не дано. Она может сохранять свою идентичность, оставаться сама собой только в этом качестве и в этой роли. Другая станет не-Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. – М., 2005.
- ² Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки. – М., 2004. – С. 724.
- ³ НГ-сценарии. 8 декабря 1999 г.
- ⁴ The Washington Post. 2006. February 26.
- ⁵ См.: *Смирнов Г.Л.* Советский человек. – М., 1971.
- ⁶ См.: Вестник Российской Академии наук. 1999. № 4, 8.
- ⁷ *Левада Ю.А.* Человек советский: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения // Вестник общественного мнения. 2003. № 1(67). Сентябрь – октябрь. – С. 8.
- ⁸ *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. – М., 2011. – С. 77.
- ⁹ *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006. – С. 69.
- ¹⁰ Российская газета. 2006. 31 августа.
- ¹¹ *Михайленко В.И.* Россия – не СССР: о ценностных основах консолидации российского общества // Экономическая культура в условиях развития рыночной экономики: отечественная практика и опыт международного сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2005. – С. 298.
- ¹² *Чубайс А.* Миссия России в XXI веке. – М., 2003. – С. 22.
- ¹³ См. там же. – С. 26 – 27.
- ¹⁴ *Севастьянов А.Н.* «Россия – для русских!» Третья сила: русский национализм на авансцене истории. – М., 2006. – С. 23.
- ¹⁵ Там же. – С. 246, 367 – 383, 507.
- ¹⁶ См.: *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
- ¹⁷ *Дробизева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М., 2006. – С. 28 – 29.